

УДК 101.1:316.3

ФИЛОСОФИЯ ГОРОДА: К ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предметом социально-философского исследования в статье выступает феномен города. Рассматриваются различные типы городов с точки зрения их преемственности: открытый античный город, закрытый средневековый город, современный мультикультурный город. Подчеркиваются влияние города на процессы самоидентификации человека, взаимосвязь города с ментальностью и телесностью человека. Анализируются особенности организации городского пространства, раскрывается его человекомерность, проявляющаяся во взаимном подобии человека и города, которое закладывается как стихийно, так и целенаправленно. Изучается феномен публичного пространства. Исследуется *время городов*, переживание которого исторически детерминировано сословными различиями и в современном мире тесно связано со спецификой городского пространства. Особое внимание уделяется феномену горожанина – от гражданина античного полиса до современной реминисценции фланера.

Ключевые слова: город; человек; идентичность; городское пространство; время городов; публичное пространство; фланер.

Благодарность. Посвящается памяти моего отца, Новикова Владимира Тимофеевича, который открыл для меня философию.

PHILOSOPHY OF THE CITY: TO THE PROBLEM OF HUMANITY OF URBAN SPACE

V. U. NOVIKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The subject of socio-philosophical research in the article is the phenomenon of the city. Various types of cities are considered from the point of view of their continuity: an open antique city, a closed medieval city, a contemporary multicultural city. Attention is paid to the influence of the city on the processes of human self-identification, the relationship of the city with the mentality and physicality of a person. The features of the organisation of urban space are analysed, its human dimension is revealed. Human dimension of the cite manifests itself in the mutual similarity of a person and a city, which evolves both spontaneously and purposefully. The phenomenon of public space is considered. The article examines the «time of cities», the experience of which, historically determined by class differences, in the modern world is closely related to the specifics of urban space. Particular attention is paid to the phenomenon of the city dweller: from the citizen of the ancient polis to the contemporary reminiscence of the flaneur.

Keywords: city; person; identity; urban space; time of cities; public space; flaneur.

Acknowledgements. To the memory of my father, Vladimir T. Novikov, who discovered philosophy for me.

Образец цитирования:

Новикова ОВ. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;2:12–20.

For citation:

Novikava VU. Philosophy of the city: to the problem of humanity of urban space. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;2:12–20. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Volha U. Novikava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

В постклассическом социально-гуманитарном знании феномен города нередко становился объектом рефлексии: осмысление роли и статуса города в истории культуры предложены различными мыслителями – от Г. Зиммеля и В. Беньямина до Б. Гройса и Р. Сеннета. Полифония городской среды и многообразие проявлений бытия города делают его предметом изучения не только в социологии и экономике, но и порождают новые направления исследований – от урбанистики до психогеографии. Философский интерес к феномену города связан с вопросом экспликации его сущности: что такое город как таковой – город, который создается человеком, и город, который создает человека? В настоящей работе внимание обращается на проблему человекомерности города (т. е. на связь типов городов, сменяющих друг друга в истории европейской цивилизации, с ментальностью – способами мышления и мировосприятия – человека) и наблюдается, каким образом городское пространство отражает, а затем и организует специфику мировосприятия человека.

Генезис цивилизаций неотделим от возникновение городов, которое представляет собой диалектический скачок в развитии общества, поскольку город появлялся как оппозиция адаптированным к естественной среде обитания деревенским селениям, где существование человека напрямую зависело от использования ресурсов природы. Безусловно, ранние города также переживали эту зависимость. Однако по мере того как они утверждали себя как центры обмена ресурсами (рынок – *perpetuum mobile* городской жизни), города приобретали свою автономность и укрепляли власть над прилегающими территориями. О. Шпенглер отмечал, что город «с появлением души превращается в место, из которого человек теперь переживает страну как “окружение”, как нечто иное и подчиненное. С этого момента существуют две жизни: жизнь внутри и снаружи» [1, с. 114].

Появление городов стало результатом неолитической революции, которая содействовала интенсификации разделения труда, что отразилось на локализации поселений в зависимости от профессиональной деятельности их обитателей. В античном городе происходит пространственная дифференциация проживания; появляются сектора и кварталы, жители которых разделены по разным критериям: роду занятий, имущественному цензу, социальному статусу и властным полномочиям. Закладывается новая система социальной коммуникации, предполагающая иные формы общения горожан, помогающие привить у них способности соотносить свои индивидуальные потребности и интересы с потребностями и интересами не семьи, а коллектива, членами которого они являлись, и интересами государства-полиса. Как следствие, в городах постепенно формируется новый способ мышления и поведения (оно

становится более рациональным и прагматичным), а социальные коммуникации ориентируются на диалогичность и понимание мотивов деятельности и смысла поступков других людей.

Обратив внимание на особенности социальной психологии и специфику идентификации горожан в диахроническом измерении цивилизационной динамики, в настоящем исследовании в качестве базисной использована трехчастная типология городов, предложенная Ф. Броделем. Итак, к первому типу относится открытый город Древнего мира, который является органической частью окружающей среды: «фактически греческая городская община представляла соединение какого-то города с его обширной сельской округой» [2, с. 479]. Ко второму – закрытый город Средневековья, причем «закрытый» в полном смысле этого слова; город, ведущую, или, точнее, несущую, роль в котором играют стены. Знаменитый словарь Фюретьера 1690 г. определяет город как «место обитания довольно многочисленного населения, обычно обнесенное стенами»¹ [3]. Если средневековый город и «открывал свои ворота, то еще недостаточно было в них войти, чтобы сразу же стать истинной частицей общины. Полноправные граждане были меньшинством, ревниво оберегавшим свои права, маленьким городом в самом городе» [2, с. 480]. Третий тип города представлен современным городом, встроенным в структуру государства, которое властвует над ним и контролирует его. Каждый из этих типов городов характеризуется специфическим мировосприятием горожанина, соразмерен телесности и ментальности современного ему человека.

Если существование в общине было характерно для жителей деревенских поселений, в которые они объединялись по кровнородственным связям, а критериями идентификации служили принадлежность к родоплеменным структурам, общность верований, обычаев, клановых традиций, языка, то в античном городе ситуация меняется и основополагающей становится государственно-этническая идентификация. Например, в Афинах для нее были заложены новые механизмы в структуре полиса, которая позволяла преодолеть природное неравенство благодаря распространявшимся на свободнорожденных граждан этого полиса принципам исономии (равенства перед законом), исогории (права на выступление в народном собрании) и исополитии (право участвовать в политической жизни).

В числе других социокультурных факторов, способствовавших идентификации античного горожанина, необходимо назвать общность языка (отличала греков от варваров как людей, невнятно говорящих) и общность многоуровневой системы воспитания и образования (высшей формой выступали философские школы). Важную роль

¹ Здесь и далее перевод наш. – О. Н.

в социально-психологической интеграции играло также увлечение литературой и аттическим театром, огромное значение имела физическая активность, в частности полезным было участие в Олимпийских играх, и др. Однако культивировавшийся в полисе дух патриотизма и этатизма, требовавший безусловного подчинения собственных интересов коллективным, не содействовал пробуждению в человеке личностного начала. По этой причине одним из доминирующих векторов самоидентификации человека остается восприятие себя как части какой-либо общности. Ж.-П. Вернан, ссылаясь на Геродота, рассказывал про спартанского героя Аристодема – единственного выжившего в битве при Фермопилах и презираемого за это спартанцами. Желая смыть пятно бесчестия, Аристодем совершил ряд подвигов и погиб при Платеях, однако для спартанцев они не имели ценности, поскольку герой поступал таким образом только из-за терзавшего его чувства вины [4]. И. Д. Рожанский, показывая, что в западноевропейской антропологии распространена идея двух типов культуры – стыда и вины, отмечал, что древним грекам чуждо чувство внутренней греховности, однако «им было в высшей степени присуще чувство стыда перед согражданами... Боязнь стыда, страх показаться глупым или смешным принадлежали к числу важнейших мотивов, определявших поведение древнего грека в обществе» [5, с. 284]. При этом стыд не касался каких-либо телесных феноменов, напротив, внимание к телу и восхищение его красотой и гармоничностью отличали жителя античного полиса. Британский искусствовед К. Кларк подчеркивал, что «греческий культ абсолютной наготы имеет огромную важность. Он подразумевает победу над запрещением, угнетающим всех, кроме самых застенчивых людей» [6, с. 34]. Американский социолог Р. Сеннет говорил о том, что для греков публичная демонстрация наготы была связана с цивилизованностью – более того, «выставляя тело напоказ, афинянин подчеркивал свой статус свободного гражданина» [7, с. 33].

Особое значение для древнего грека имела идея так называемого телесного жара, составлявшего, с одной стороны, субстрат жизненной силы человека, с другой – понимавшегося буквально: как тепло тела. Аристотель в труде «О возникновении животных» указывал на сочетание холодного и теплого начал, необходимых для порождения живых существ, и в духе античной натурфилософии связывал холодное с женским, а теплое – с мужским [8]. Соответственно, квинтэссенция телесного жара может быть сосредоточена и явлена в первую очередь мужским телом, и система античного образования, как и вся культура полиса, направлена на раскрытие этого жара в телах начиная с юного возраста – со времени обучения в гимназиях и палестрах. Что любопытно, женское тело, представлявшееся холодным,

не предполагало культивации телесного жара: даже на дошедших до наших дней античных рисунках на вазах гораздо чаще изображены обнаженные мужские тела (особенно героев).

Демонстрация телесной красоты предполагала ортос (прямота, осанка), который Р. Сеннет рассматривал в корреляции с организацией городского пространства: «Афиняне напрямую уподобляли тело зданию... они... использовали свое физиологическое понимание тела для создания городских пространств» [7, с. 54]. Широкая и шумная агора позволяла гражданам свободно перемещаться от одной группы к другой, портики и стои не скрывали располагавшихся в их пределах горожан от прохожих. Обнаженное (открытое) тело коррелировало с открытостью античного города. В его планировке, которая закладывалась естественным образом, внимание уделялось фигуре горожанина, где он мог быть видимым и слышимым, причем последнее представляло для древнего грека особую ценность: «Афинская демократия высоко ценила в своих гражданах открытое выражение мыслей, которое уподоблялось демонстрации мужской наготы» [7, с. 33]. Исегория давала возможность афинянам показать это на народном собрании, члены которого собирались в булевтерии (здание с планировкой театра), где ценно было уже не многоголосье городской площади – значимость обретал отдельный голос. Античный полис позволял своему гражданину быть объектом внимания, экспонировать себя, он стремился к гармонии и был соразмерен человеку.

Эту соразмерность унаследовал Древний Рим, однако удержаться в ее рамках получалось не всегда. Витрувий писал о человекомерности городских зданий, однако, с одной стороны, широкие улицы и геометрическая упорядоченность архитектуры в первые столетия нашей эры свидетельствовали о мощи и величии империи, с другой – приток иммигрантов, скученность жизни, распространение инсул (многоквартирные дома в несколько этажей) указывали на незначительность человека. О. Шпенглер критикует Рим как яркий пример одного из мировых мегаполисов, пожиривших человека: «ужасающая нищета, приход в упадок всех жизненных привычек, которые уже сейчас среди высоких крыш и мансард, в подвалах и на задних дворах воспитывают нового первобытного человека, царили в каждом из этих роскошных массовых городов» [1, с. 128].

С появлением христианских общин в городах поздней (латинской) Античности происходит дифференциация населения, сопровождавшаяся возникновением напряжения в социально-психологической обстановке городов, поскольку характерные для языческого Рима традиции и образ жизни не только подвергались сомнению, но и отрицались христианами общинами, формирующими основы новой идентичности. Эта ситуация нашла отражение

в появившемся во II в. труде Иустина Философа «Послание к Диогнету»: «Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. <...> Но, обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна» [9]. Вместе с тем в последующие столетия именно христианская идентичность стала определяющей в исторической динамике человека и города.

Возрождение города в Высокое Средневековье положило начало изменению социальной структуры общества и стало прелюдией к цивилизационному повороту. Ключевые характеристики средневекового города – самоуправление, система права (особое значение для статуса города имело принятие в XIII в. рядом европейских городов магдебургского права), личная свобода, частная собственность – вели к становлению такого явления, как бюргерский индивидуализм, который вкупе с христианской идеей свободы воли и личного спасения способствовал кристаллизации феномена личности в культуре Средневековья. Знаменитая сентенция о том, что «воздух города делает человека свободным», предполагала не только то, что феодал утрачивает права на беглого крестьянина (если тому удастся укрыться в городе на определенный срок – чаще всего на «год и один день»), но и указывала на то, что именно город является фундаментом для становления свободы и независимости индивида. Подобно человеку, средневековый город, изначально вырастающий на земле феодала, стремился к обретению самоуправления и, добившись его, сам начинал доминировать над окрестными деревнями, черпая из них ресурсы. Город становится самодостаточным автономным миром, «перехитрившим», по выражению Ф. Броделя, государство: оно «...будет складываться медленно и вырастет лишь при небескорыстной помощи городов и притом будет увеличенной и зачастую бесцветной копией их судеб» [2, с. 473].

И визуально, и сущностно средневековый город, в отличие от античного, – город закрытый, и наличие стен в нем является необходимостью, продиктованной соображениями безопасности. Спецификой городской застройки являлся укрепленный центр, нередко – с замком, рядом с которым должен находиться кафедральный собор, ратуша, площадь, дома знати, далее следовал лабиринт улиц и переулков. Не имея возможности расширяться, город начинает расти в высоту и вглубь – дома в несколько этажей и узкие переулки делают сложноорганизованное

городское пространство комфортным для местного жителя, однако потенциально опасным для чужака. В этой защите своей территории и ее жителей проявляется человекомерность и коллективное начало средневекового города. Р. Сеннет цитирует П. Абеяра, писавшего, что «города – это «монастыри» для семейных людей. <...> Каждый город – братство»² [7, с. 206]. Стоит отметить, что хаотичная топография при определенной планировке характерна и для средневекового мусульманского города, центр которого, подобно европейскому, начинался с культового сооружения (в данном случае – с главной мечети), вокруг которого концентрическими кругами разворачивались торговые улицы и склады, а за ними располагались ремесленные ряды, строго организованные в соответствии с родом деятельности: чем она «чище», тем ближе к центру. В отличие от европейских городов, ограниченных стенами и в силу этого устремлявшихся вверх, мусульманские города и стенами были ограничены, и в высоту расти не могли, так как ислам рассматривает строительство высоких домов как признак гордыни и предвестник киямата (Судного дня), поэтому расширялись вглубь улиц и таким образом затрудняли передвижение.

Кроме городского пространства, человекомерность города проявляется и в специфическом восприятии горожанином феномена времени. В частности, как отмечает один из основоположников исторической школы «Анналов» М. Блок [10], если людям раннего Средневековья свойственно безразличное отношение ко времени и они часто не знали точно даже своего возраста, то к XIII в. ситуация изменилась. В этот период на ратушных башнях были установлены механические часы (кстати, самые старые действующие башенные часы из сохранившихся в Европе – гродненские), что символизировало начало новой исторической эпохи, в которой на смену *времени церкви* приходит *время купца*. Суть данной метаморфозы состоит в том, что если ранее порядок и темпы жизни городского населения определялись церковью (регламент был задан церковным календарем, а колокольный звон символизировал власть церкви над временем горожан), то отныне ритм жизни задается обыденными потребностями и мирскими заботами средневекового города – колыбелью новой цивилизации, жизненное кредо которой будет выражено спустя несколько столетий в сентенции *время – деньги*.

Таким образом, процессы урбанизации в период Средневековья способствовали не только поселенческой дифференциации, но также темпоральной дифференциации общества, определяемой эффектом, который характеризуется бергсоновским понятием дления, дильтеевской переживаемой историчностью или шпенглеровской растянутостью истории.

² Цит. по: Duckworth A. M. *Howards end*: E. M. Forster's house of fiction. N. Y. : Twayne, 1992. P. 62.

Эти понятия фиксируют зависимость течения времени от особенностей социального бытия, образа жизни и специфики хозяйственного и политического развития социума, что соответствует атрибутивной концепции времени, сущность которой кратко передают слова Ж.-П. Сартра: «Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяполагания» [11, с. 113].

Темпоральная дифференциация общества выразилась в двух основных эффектах, неявных в Средневековье, однако приобретающих все большую выразительность начиная с эпохи Нового времени. Первый эффект свидетельствовал о различной, но имеющей объективный характер длительности времени для деревенских и городских жителей. Так, по словам Ж. Ле Гоффа, «возводимые повсеместно напротив церковных колоколен башенные часы олицетворяют собой великую коммунальную революцию в области отсчета времени. Время городов – более сложное и утонченное, чем простое время деревень, отбиваемое деревенскими колоколами» [12, с. 42–43]. Второй эффект выразился в диахроническом разделении средневекового социального бытия на *время церкви* и *время купца*, или в другой терминологии – на *христианское время* и *экономическое время*. По характеристике Р. Сеннета, «христианское время не признавало личной автономии в том смысле, в каком ее определяла корпорация. Действия человека должны были быть не автономны, а подчинены Подражанию Христу, и от этого образца нельзя было отступать ни на шаг, потому что в жизни Христа не было случайностей. Больше того, христианское время имело мало общего со временем, которое отсчитывают часы» [7, с. 251]. Что касается экономического времени, то его ценность определялась целесообразностью и эффективностью производства, для которого основной установкой была практическая польза. Человек Средневековья «небезосновательно воспринимал экономический индивидуализм как духовное искушение, ведь что могло удержать людей в общине в случае его победы?» [7, с. 253]. Средневековый город, сочетающий ценности коллективизма и индивидуализма, порождал амбивалентность человеческого существования: с одной стороны, человек имеет свободу воли и возможность личного выбора, с другой – оставаясь интегрированным в христианскую общину, он разделял ее ценности, идеалы и нормы жизни.

Несмотря на усиление процесса социальной дифференциации, в Средневековье проблема рефлексии по поводу индивидуальной и коллективной идентификации не была актуальной, поскольку принадлежность человека к тому или иному сословию, как и его социальный статус, казались естественными и были строго регламентированы. В частности, П. Бергер

и Т. Лукман отмечают: «В таком обществе идентичности легко узнаваемы, как объективно, так и субъективно. Всякий знает про всякого, кем является другой и он сам. Рыцарь является рыцарем, а крестьянин – крестьянином, как для других, так и для себя самого. Поэтому тут нет проблемы идентичности. Вопрос: “Кто я такой?” – вряд ли возникнет в сознании, поскольку социально предопределенный ответ массивно реален субъективно и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией. Это никоим образом не означает, что индивид рад такой идентичности. Быть крестьянином вряд ли очень приятно, это включает в себя всякого рода субъективно реальные и настоятельные проблемы, совсем не радостные. Но в эти проблемы не входит проблема идентичности» [13, с. 264].

В эпоху Возрождения и Новое время возросло значение города в развитии европейской цивилизации, что определилось переходом от традиционного общества к индустриальному. Изменился облик города, что также носило человекомерный характер. Расширение улиц, первоначально связанное с необходимостью пропуска транспорта, к XVIII в. мыслилось как необходимое условие для нормального функционирования города. Р. Сеннет связывает новые представления о градостроительстве с так называемой революцией Гарвея, обосновавшего теорию циркуляции крови. По аналогии с идеей Гарвея улицы, бульвары и переулки представляются городскими венами и артериями, которые должны обеспечивать условия для передвижения горожан и экипажей. Внимание начинает уделяться и гигиене городского пространства: во второй половине XVIII в. были распространены представления о том, что город, подобно человеку, должен дышать, а не задыхаться от нечистот, – это способствовало активизации городских служб, очищению стоков, разбивке городских парков. Аппликация представлений о жизнедеятельности человеческого тела на функционирование «тела города», по сути, является отражением популярного в новоевропейской философии органицизма.

XVIII в. – это время радикальных перемен в социальной структуре западноевропейских городов. В индустриальном обществе города становятся не только центрами концентрации производственных мощностей и аккумуляции людских ресурсов, локализации капитала и органов государственного и регионального управления – они обретают статус образовательных, научных и культурных центров, становятся средоточием политической и общественной жизни. Таким образом, город делает очевидными и осязаемыми те перемены, которые принесла с собой индустриальная цивилизация, и в этом смысле становится ее символом. Если в традиционном обществе функцию главного института социализации выполняла семья, транслируя в качестве образца

моральные нормы, то теперь агентом социализации выступает город, а приоритетной нормативной системой, регулирующей отношения между людьми, считается право. В результате появляется так называемый экономический человек как «идеальный тип» (в терминологии М. Вебера) индустриальной цивилизации, для которого приоритетным становится практическое целерациональное действие, основанное на калькуляции и ориентированное исключительно на успешное достижение цели.

Промышленная революция, начавшаяся в последней трети XVIII в., повлекшая за собой возникновение крупной индустрии и создавшая возможности для бурного научно-технического прогресса, способствовала интенсификации урбанизационных процессов и концентрации человеческих ресурсов не просто в городах – в больших городах. Как отмечает Ф. Бродель, если в позднем Средневековье демографический рост стимулировал более-менее равномерное появление городов вне зависимости от их размера, то начиная с Нового времени «шансы на политический успех закрепляются за несколькими городами, а остальные исключаются. Такие немногие города росли не переставая, притягивая к себе людей, приобретая привилегии, несмотря на безотрадную конъюнктуру» [2, с. 487]. Флагманами урбанистического развития были Лондон и Париж. В итоге в XIX в. в больших городах, во-первых, институциональное оформление получают два класса-антагониста: пролетариат и буржуазия, во-вторых, в городах закладываются основы массового общества.

Базовой интенцией человека массы – жителя большого города – стало недоверие к другим и закрытость. С одной стороны, эти чувства продиктованы экстраполяцией такого недоверия к незнакомому миру на его обитателей, с другой – они выступили механизмом психологической защиты. Г. Зиммель, развивая свою философию города, пишет, что «внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью. Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, – если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным» [14].

Крупный индустриальный город XIX – начала XX в., приспособившись к новому типу горожанина, в сравнительно короткие (по отношению к предыдущим столетиям) сроки изменили свой облик. Обнажение различий между классами коррелирует с окончательным разрывом между центром и периферией города: перед городскими властями стоит задача очистить центр, уничтожить трущобы и вытеснить пролетариев и маргиналов на городские

окраины. Этот, по выражению А. де Токвиля, «демократический век», век индивидуализма [15] создает город, удобный для отдельного индивида. Как пишет Р. Сеннет, «проектировщики городов XIX в. стремились создать толпу свободно перемещающихся индивидов и препятствовали движению по городу организованных групп. Передвигаясь по городскому пространству, отдельные тела постепенно теряют связь и с самим пространством, в котором они движутся, и с теми людьми, которые обитают там вместе с ними. По мере того как пространство обесценивается из-за подобного движения, индивиды утрачивают ощущение своей общей судьбы» [7, с. 396]. Кроме того, рост городов диктует необходимость организации массового передвижения индивидов, возникновение метро закрепляет классовые различия, а расширение сети городского общественного транспорта формирует новое социальное тело – не пешехода, а пассивного пассажира, чье восприятие города опосредовано окном омнибуса, затем – трамвая, автобуса и т. д. Пассажир перемещается из точки А в точку Б, находясь в позиции объекта, вписанного в циркуляцию городской жизни, в отличие от активного пешехода-горожанина, выступающего в качестве субъекта города, покоряющего его шаг за шагом и тем самым присваивающего его. В. Беньямин называет такого пешехода фланером, т. е. прогуливающимся, для которого важно отсутствие специальной цели перемещения по городу, смысл заключается в самом передвижении и слиянии с городом; автор пишет: «Фланер – праздношатающаяся личность, в этом его протест против разделения труда, обращающего людей в специалистов» [16, с. 78]. Фланер – тот, кто утверждает человекомерность города «в чистом виде», для кого важен город как таковой, и в этой востребованности нет ни тени утилитаризма. По сути, это способ познания города, который исходит из восприятия города как чуда: «Не найти дорогу в городе – невеликая премудрость. А вот заблудиться в городе, как в лесу, – тут требуется выгучка» [17, с. 27]. Фланеру присуще особое переживание времени: «году в 1840-м хорошим тоном считалось выгуливать черепах в пассажах. Темп, заданный черепахой, вполне подходил фланеру» [16, с. 78]. К началу XX в. феномен фланерства постепенно исчезает и проявляется разве что во взгляде туриста. Однако, как утверждали Э. Амин и Н. Трифт, нынешний урбанизм возрождает традицию фланерства «рассматривать город с близкого, уличного расстояния» [18], а фигура фланера призвана раскрыть транзитивность города – специфику его хронотопологии, порожденной полифонией истории и способностью впитывать новое.

Современный город задает человеку не только специфическое восприятие пространства, но и особое переживание времени, причем организация городского пространства становится прямо

подчиненной идее самоценности времени: пространство воспринимается как расстояние, которое нужно пересечь в максимально короткие сроки. «Единственным смыслом пространства стало, таким образом, передвижение само по себе: теперь мы измеряем городское пространство степенью легкости, с которой мы можем проехать его насквозь...» [7, с. 16]. Этому способствуют современная городская планировка, типовая застройка, не отвлекающая внимание водителя, отсутствие интереса пассажира к окружающему ландшафту. В настоящее время темпоральная дифференциация характеризует мироощущение не только отдельных социальных групп горожан, но и городов как таковых: чем крупнее город, тем активнее ритм его жизни, тем большую значимость для него представляет время и в большей мере планирование городских пространств отражает ценность этого времени. Исследование городского времени инициирует возникновение такого направления на стыке современной урбанистики и философии, как ритм-анализ, предметом которого выступает мультитемпоральность города.

Распространение на рубеже XIX–XX вв. общественного транспорта способствовало развитию еще одного важного феномена: при сокращении дистанции между пассажирами постепенно утверждается нормативность тишины, не нарушаемой звуком человеческого голоса: «...тишина стала использоваться для защиты частного пространства индивида. На улицах, как и в вагонах, люди начали исходить из того, что они имеют право не общаться с незнакомцами и воспринимать обращение к себе как нарушение этого права» [7, с. 421]. Это становится фактором, который закрепляет усиливающуюся социальную атомизацию; современный город (по крайней мере, большой город) более не является абеляровским братством. Подобно тому, как мегаполис, с точки зрения О. Шпенглера, уничтожает окружающий ландшафт и становится миром, «рядом с которым не должно существовать никаких других городов» [1, с. 119], житель мегаполиса, воспринимающий другого индивида как конкурента, заинтересован если не в его тотальном отсутствии в городском пространстве, то в минимизации любых случайных контактов с ним.

Разрастание городского пространства и быстрые темпы увеличения численности населения (в первую очередь за счет внутренней миграции) также отражаются на облике города, превращая его, по словам Г. Дебора, в псевдодеревню, населенную «новым крестьянством», главной чертой которого становится отсутствие рефлексии: «распыленность в пространстве и ограниченный стиль мышления, которые всегда мешали крестьянству предпринимать независимые действия и утверждать себя в качестве творческой исторической силы, вновь становятся характерной чертой производителей, ибо развитие

мира, производимого ими самими, также остается полностью за пределами их способностей понимания и действия, как это было при естественном ритме работ сельского общества» [19, с. 97].

Исторически город формировал особую среду существования человека – публичное пространство, одним из первых образов которого была греческая агора – «пустое место», площадь, организованная не только для торговли, но и для коммуникации. Вокруг этого «пустого места» и обустраивался город. Х. Арендт определил публичное пространство как нетождественный природному мир, представляющий собой «собирательное понятие для всего, что разыгрывается между людьми... Совместно жить в мире означает по существу, что некий мир вещей располагается между теми, для кого он – общее место жительства, а именно в том же смысле, в каком, скажем, стол стоит между теми, кто сидит вокруг него» [20, с. 69]. При этом смысловое наполнение публичного пространства контекстуально, релевантно определенному спектру явлений, которые общество допускает на публичное обозрение. Проблема современного города, развивающегося в условиях массового общества, состоит в утрате импульса и возможности объединения людей. Данную ситуацию Х. Арендт сравнивает со спиритическим сеансом, когда «собравшаяся вокруг стола группа людей внезапно видит, что стол силою какой-то магии исчез из их среды, так что теперь два сидящих друг против друга лица ничем больше не разделены, но и ничем осязаемым больше не соединены» [20, с. 69]. Рефлексия над этой проблемой порождает ряд вопросов.

Является ли городское пространство публичным по умолчанию? Что входит в его архитектуру: некие виды городского ландшафта, пригодные для организации публичных мероприятий, или идейно-смысловой контент, рефлексия над которым превращает массу в общество (публику)? Может ли публичное пространство существовать как вакуум, изначально лишенный смыслов, и участвовать в конституировании общественной жизни лишь благодаря своей локализации? Б. Гройс, рассматривая публичное измерение человеческой жизни, понимает его как «публичное взаимодействие, сотрудничество или конфликт, но в первую очередь – опыт экспонирования, выставленности на всеобщее (общественное) обозрение, можно сказать – опыт публикации» [21]. Однако простой явленности/выставленности недостаточно. Социальные атомы, циркулирующие в городской среде, еще не образуют публики, их экспонирование носит вынужденный характер, а взаимодействия переживаются ими скорее негативно, поскольку каждый движим своими частными интересами, и Другой воспринимается как раздражающий фактор, замедляющий достижение цели. Заполненные людьми городские локусы еще не образуют публичного пространства. Оно должно в первую очередь определяться как топос,

предназначенный для генерирования смыслов в интеракции горожан.

В современной урбанистике, согласно вовлеченности города в мировую экономику, политику и культуру и степени его влияния на эти сферы, существует практика разделения больших городов на три категории: обычные города (*ordinary cities*), мировые города (*world cities*) и глобальные города (*global cities*) [22], например, Лондон – глобальный город, Москва – мировой, а Каир – обычный мегаполис, имеющий признаки становления мирового города. Чем выше данная вовлеченность, тем сильнее в городе проявляется порожденная глобализацией мультикультурность, становящаяся детерминантой идентичности горожанина. Р. Сеннет, анализируя мультикультурный Нью-Йорк и, в частности, район Гринвич-Виллидж, представляющий собой яркий микс из проживающих там представителей различных этносов и культур, пишет: «В то время как вся история Нью-Йорка ставит перед нами глобальный вопрос о возможности создать гражданскую культуру на основе человеческих различий, проблема Гринвич-Виллидж гораздо конкретнее: каким об-

разом жители могут ощутить подобную гражданскую культуру многообразия как органичную часть самих себя» [7, с. 441].

С одной стороны, город стремится ассимилировать втекающие в него культуры, с другой – трансформируется под их влиянием, что, по сути, свидетельствует о процессе креолизации, культурной переплавке. В связи с этим решения требуют одна из центральных проблем современного города: каким образом выстроить фундамент для становления единого сообщества горожан и при этом сохранить культурное многообразие и избежать арендтовской ситуации с исчезновением «спиритического стола». Если современного человека, являющегося идеальным типом эпохи глобализации, нередко определяют как неокочевника с транзитивной идентичностью, то в качестве идеального типа современного города выступает глобальный город XXI в., человекомерность которого проявляется и во внимании к своей истории и коренным жителям, и в открытости для экспатов и иммигрантов, и в готовности к взаимодействию и обмену с иными культурами.

Библиографические ссылки

1. Шпенглер О. *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы*. Шпарага О, редактор; Борич С, переводчик. Минск: Попурри; 1999. 720 с.
2. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Куббуль Л, переводчик. Москва: Весь мир; 2007. 592 с.
3. Ville Dictionnaire universel Écrit par Antoine Furetière [Internet]. 2021 [cité 2021 mars 18]. Disponible à: <http://xn--furetire-60a.eu/index.php/non-classifie/11877926>.
4. Вернан ЖП. *Происхождение древнегреческой мысли*. Кессиди ОН, редактор. Москва: Прогресс; 1988. 224 с.
5. Рожанский ИД. *Античный человек*. В: Фролова ИТ, редактор. *О человеческом в человеке*. Москва: Политиздат; 1991. с. 282–298.
6. Кларк К. *Нагота в искусстве*. Обрадович А, редактор; Куренина М, Кытманова И, Толстова А, переводчики. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2004. 480 с.
7. Сеннет Р. *Плоть и город в западной цивилизации*. Бабицкая В, редактор; Фаворов П, переводчик. Москва: Strelka Press; 2016. 504 с.
8. Аристотель. *О возникновении животных*. Карпов ВП, переводчик. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1940. 252 с.
9. Иустин Философ. *Послание к Диогнету* [Интернет]. 2021 [процитировано 18 марта 2021 г.]. Доступно по: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Filosof/poslanie-k-diognetu/.
10. Блок М. *Апология истории*. Лысенко Е, переводчик. Москва: АСТ; 2020. 256 с.
11. Сартр Ж.-П. *Проблемы метода*. Гайдамака ВП, переводчик. Москва: Прогресс; 1994. 222 с.
12. Ле Гофф Ж. *Другое средневековье. Время, труд и культура Запада*. Бабинцев ВА, редактор; Чистякова СВ, Шевченко НВ, переводчики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2000. 328 с.
13. Бергер ПЛ, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
14. Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь* [Интернет]. 2021 [процитировано 18 марта 2021 г.]. Доступно по: <https://web.archive.org/web/20180920154621/http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>.
15. Де Токвиль А. *Демократия в Америке*. Ласки ГД, переводчик. Москва: Прогресс; 1992. 554 с.
16. Беньямин В. *Бодлер*. Лайма А, редактор; Ромашко С, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 224 с.
17. Беньямин В. *Берлинское детство на рубеже веков*. Белобратов АВ, редактор; Снежинская ГВ, переводчик. Москва: Прогресс; 2012. 144 с. Совместно с издательством «Кабинетный ученый».
18. Амин Э, Трифт Н. *Внятность повседневного города. Логос* [Интернет]. 2002 [процитировано 18 марта 2021 г.]; 3. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/vnyatnost-povsednevnogo-goroda.html>.
19. Дебор Г. *Общество спектакля*. Офертас С, Якубович М, переводчики. Москва: Логос; 2000. 184 с.
20. Арендт Х. *Vita activa или о деятельной жизни*. Бибихин ВВ, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 437 с.
21. Гройс Б. *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу* [Интернет]. 2021 [процитировано 18 марта 2021 г.]. Доступно по: <http://special.theoryandpractice.ru/groys-public-space>.
22. Robinson J. *Global and world cities: a view from off the map*. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002;26(3):531–554. DOI: 10.1111/1468-2427.00397.

References

1. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Band 2. Welthistorische Perspektiven*. München: Beck; 1922. 648 S.
Russian edition: Shpengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy*. Shparaga O, editor; Borich S, translator. Minsk: Popurri; 1999. 720 p.
2. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle. Volume 1. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*. Paris: Le Livre de Poche; 1993. 736 p.
Russian edition: Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Moscow: Ves' mir; 2007. 592 p.
3. Ville Dictionnaire universel Écrit par Antoine Furetière [Internet]. 2021 [cité 2021 mars 18]. Disponible à: <http://xn--furetire-60a.eu/index.php/non-classifie/11877926>.
4. Vernant JP. *Les origines de la pensée grecque*. Paris: PUF; 1962. 145 p.
Russian edition: Vernant JP. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoi mysli*. Kessidi ON, editor. Moscow: Progress; 1988. 224 p.
5. Rozhanskij ID. [Antique man]. In: Frolova IT, editor. *O chelovecheskom v cheloveke* [About the human in the person]. Moscow: Politizdat; 1991. p. 282–298. Russian.
6. Clark K. *The nude: a study in ideal form*. New York: Pantheon Books; 1956. 458 p.
Russian edition: Clark K. *Nagota v iskusstve*. Obradovich A, editor; Kurenina M, Kytmanova I, Tolstova A, translators. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2004. 480 p.
7. Sennet R. *Flesh and stone. The body and the city in Western civilization*. London: Faber & Faber; 1994. 458 p.
Russian edition: Sennet R. *Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoi tsivilizatsii*. Babitskaya V, editor; Favorov P, translator. Moscow: Strelka Press; 2016. 504 p.
8. Aristotel'. *O vozniKnovenii zhivotnykh* [On the generation of animals]. Karpov VP, translator. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1940. 252 p. Russian.
9. Justin Martyr. Epistle to Diognetus [Internet]. 2021 [cited 2021 March 18]. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Justin_Filosof/poslanie-k-diognetu/. Russian.
10. Bloch M. *Apology pour l'histoire ou Métier d'historien*. Paris: Librairie Armand Colin; 1952. 112 p.
Russian edition: Blok M. *Apologiya istorii*. Lysenko E, translator. Moscow: AST; 2020. 256 p.
11. Sartre J.-P. *Search for a method*. New York: Vintage Books; 1968. 224 p.
Russian edition: Sartre J.-P. *Problemy metoda*. Gaidamaka VP, translator. Moscow: Progress; 1994. 236 p.
12. Le Goff J. *Pour un autre moyen age. Temps, travail et culture en Occident. La civilisation de l'Occident medieval*. Paris: Flammarion; 2008. 374 p.
Russian edition: Le Goff J. *Drugoe srednevekov'e. Vremya, trud i kul'tura Zapada*. Babintsev VA, editor; Chistyakova SV, Shevchenko NV, translators. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1992. 328 p.
13. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.
Russian edition: Berger PL, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
14. Simmel G. The metropolis and mental life [Internet]. 2021 [cited 2021 March 18]. Available from: <https://web.archive.org/web/20180920154621/http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>. Russian.
15. De Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Laski GD, translator. Moscow: Progress; 1992. 554 p. Russian.
16. Benjamin W. *Bodler* [Baudelaire]. Lyme A, editor; Romashko S, translator. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 224 p. Russian.
17. Benjamin W. *Berlin childhood around 1900*. Eiland H, editor. Cambridge: Belknap Press; 2006. 208 p.
Russian edition: Benjamin W. *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov*. Belobratov AV, editor; Snezhinskaya GV, translator. Moscow: Progress; 2012. 144 p. Co-published by the «Kabinetnyi uchenyi».
18. Amin A, Thrift N. Cities. Remaining the urban. *Logos* [Internet]. 2002 [cited 2021 March 18];3. Available from: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/vnyatnost-povsednevnogo-goroda.html>. Russian.
19. Debord G. *La Société du spectacle*. Paris: Gallimard; 1992. 184 p.
Russian edition: Debord G. *Obshchestvo spektaklya*. Ofertas S, Yakubovich M, translators. Moscow: Logos; 2000. 184 p.
20. Arendt H. *Vita activa ili o deyatel'noi zhizni* [The human condition]. Bibikhin VV, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 437 p. Russian.
21. Groys B. The public space: from emptiness to paradox [Internet]. 2021 [cited 2021 March 18]. Available from: <http://special.theoryandpractice.ru/groys-public-space>. Russian.
22. Robinson J. Global and world cities: a view from off the map. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002;26(3):531–554. DOI: 10.1111/1468-2427.00397.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2021.
Received by editorial board 21.03.2021.